

Владимир Малягин

Аввакум

Драма в двух действиях

*Упал венец с головы нашей;
горе нам, что мы согрешили!
От сего-то изнывает сердце наше;
от сего померкли глаза наши...
Плач Иеремии*

Действуют:

- Аввакум Петров
- Старец Епифаний
- Федор Иванов
- Лазарь
- пустозерские узники
- Домница, его жена

- Дорофей, посыльный из Москвы.
- Вторая половина XVII века, Заполярье.

Действие первое

Пустозерск, заполярный город в нижнем течении Печоры. Весна 1668 года. Большая сумрачная изба с маленькими окнами. Стол, лавки, в углу образа, перед которыми теплится лампада. За столом сидит Лазарь, перед ним на столе – початая бутылка водки и стопа.

Лазарь (протяжно поет, подперев голову руками).

Плачусь, ужасаюсь,

Егда оный час помышляю,

Как приидет Судия правый

В божестве своей славы.

Суд правый, дела судити,

Страшные на ответ творити.

Тогда земля потрясется

И катменья распадутся.

Ангелы в трубы вострубят...

Скрипит дверь. Входит Аввакум.

Аввакум (крестясь на иконы).

Молитвами святых отец наших,
Господи Иисусе Христе, помилуй
нас!

Лазарь. Аминь.

Аввакум подходит к столу, садится
поближе к образам.

(Помолчав.)

Ангелы вы трубы вострубят,
Всех мертвых от гроба разбудят.
Тогда мертвые все восстанут,
Во едином возрасте будут...

Молчание.

Ты того, батько, ты не суди, что в
пятницу с винцом сижу. Матушка
моя преставилась в этом день три
года тому.

Аввакум. Разве я сужу, милый
Лазарь? Как звали-то ее?

Лазарь. Раба Божия Катерина.

Аввакум. Царствие ей небесное и
вечная память!

Оба крестятся.

Как вздумаешь иногда - и

разумения не хватает: для чего человеку такая дадена долгая жизнь? Век человека – семьдесят лет, а ежели в силах – восемьдесят... А для чего? Мне вот то ли сорок шесть, то ли сорок семь – а как долги были годы! А ежели семьдесят, да восемьдесят? Кажется, уж так жить устанешь... Сколько матушке было?

Лазарь. Шестьдесят три годочка.

Аввакум. И того довольно.

Лазарь. Так же и она судила. Напослед все ждала, когда Господь приберет. Устала жить. И все не могла обикнуть, что летом тут сплошной день, а зимой – ночь кромешная.

Аввакум. Шестьдесят три... Нет, больше не надо.

Лазарь. А Писание вспомнать?
Праотцы-то и по шестьсот и по
девятьсот лет жили. И не
жаловались на долгие годы.

Аввакум. Что нас равнять! Праотцы
были люди святые, перед Богом
ходили – они такие жизни в силах
были понести. А нам дай лет
шестьсот – с ума свихнемся,
пожалуй.

Лазарь. Покоя в тебе нет.
(Помолчав.) Не выпьешь со мной?

Аввакум. Ты себе налей, а я с тобой
вздохну. Помянем усопшую рабу...
(Удивленно.) Постой! А что же мы
панихиду-то не отпели сегодня?

Лазарь. Панихиду? Панихида того...
Была.

Аввакум. Была? А что ж меня-то на
нее не позвали?

Лазарь. Видишь ли... Она в другом месте была.

Аввакум. В каком это – в другом? У нас здесь и нет иных мест!

Молчание.

Что-то не возьму в толк. Разве ты не сам матушку свою поминал?

Лазарь. Тут такое дело... Домница моя, знаешь, баба самовольная... Поутру рано и убежала к Виталию, никонианской церкви попу... Там они и служили панихиду...

Пауза.

Аввакум. Ты что это говоришь, батько? Твоя Домна – к никонианам в еретическую церковь?

Лазарь. Самовольно!

Аввакум. Самовольно? Еще чище того! Ты муж, глава, священник, а у тебя жена самовольно в никонианскую церковь бегаёт? Да разве это может быть?..

Молчание.

Вот беда-то... Вот позор на всех нас...

Лазарь. Какой позор? Никакого позора!.. Сам-два они с Виталием на той панихиде были, никто не видел!

Аввакум. Никто?

Лазарь. Никто!

Аввакум. И Бог?

Пауза.

Лазарь. Ты, Аввакум, борец за старое благочестие известный. По

Сибирям таскан, богатыми ласкан...
Да ведь и мы в те годочки не мед
пили, на печи лежа! У соседа
Анфима уж сыновья подросли, во
всякой работе помощники – а
крестил-то их всех я! А что с
Виталием-попом мы столько годов
приятели – так он, хоть и
никонианин, а добрый человек...

Аввакум. Добрый? Никонианский
поп – добрый человек? Так, может,
они и все добрые люди, а мы с
тобой – злые? Может, и скитания
наши напрасны были, и кровь свою
наши мученики проливали зря?

Лазарь. Слушай, Аввакумушко, а
правда, что ты, в Тобольск
сосланный, с нововерами в их
церкви обедни служил?

Аввакум (помолчав). Упрекнул,
стало быть... Вспомнил, чем меня

укусить можно... Да ежели я в Тобольске раза два с никонианами обедню и отслужил – так сколько раз я их же за это обличил потом? И сколько лет я после этого, от Бога в наказание, по Даурии скитался с женой да малыми детьми, сколько мук все мы приняли от воеводы Пашкова? Это ты посчитал? Свои-то пятнадцать годов ты здесь тихомирно просидел, винцо попивал, с Домницей на мягких пуховиках прохлаждался – а у меня тем временем детки грудные мерли от холода и голода, да и самого только Господня помощь спасла!..

Молчание.

Да пойми же ты, милый друг Лазарь, они так всех нас по одному-то от старой веры оторвут да в новую перетянут! Вместе нам надо быть, вместе – в кулак сжаться, да

так и стоять против них!

Епифаний (из-за печи). Да что же за мука такая... Мертвого поднимут? (Выходит, кутаясь в полушубок.) Что вы все спорите, батьки?

Аввакум. Старец, миленький, ты спишь и почиваешь?

Епифаний. Кости ломит и непогоду. Хворая опять.

Аввакум. А знаешь ты, что тем временем брат наш перед всеми творит? Как он, верный сын истинной старой церкви, позорит нас перед всем Пустозерьем?

Лазарь. Да не я это, не я! Не было Домнице моего благословения!

Аввакум (Епифанию). Жена его сегодня в никонианской церкви...

Епифаний. Да слышал я все.

Аввакум. Слышал? Что же тогда молчал?

Епифаний (Лазарю). Если она самовольно туда пошла – надобно ее наказать.

Лазарь. Самовольно, конечно, самовольно!

Аввакум. Самовольно, говоришь? Так если ты про то не знал – что же сам-то по матери своей панихиду не спел? Или хоть нас с Епифанием не попросил?

Молчание.

Знал ты все, потому и не служил панихиду! По твоему слову она туда пошла.

Пауза.

Епифаний. Так что ли все, Лазарь? Но ведь это ты тогда тяжкой епитимьи достоин...

Лазарь. Не знал ни о чем, никуда жену не посылал! Клевету и напраслину на меня Аввакум возводит!...

Аввакум. Клевету?.. Ладно, может, и клевету... А разобраться способ таки есть. Давай-ка, вот перед этими святыми образами старого письма стань и поклянись в своих словах. И если твоя правда – пусть на меня кара Божья за клевету падет! Но уж если лжешь ты – и тебе тогда и всему твоему дому да не видеть спасения вовек!.. Ну, говори же: посылал ты свою жену к нововерцам?

Пауза.

Лазарь (опускает голову, подходит

к столу, поднимает стопу, залпом выпивает). Суров ты, батько... Ох, как ты, однако, суров...

Аввакум (садясь на скамью). Разве я суров? Не суровость это, а простая твердость... Ежели по железу долго бить – то и оно затвердеет. А сколько меня били в жизни...

Молодым еще попом стал служить строго по уставу, без сокращений, стал нравы народные выпрямлять, гнать пьяниц да скоморохов – народ начал меня бить... Бояр да князей стал по правде судить в их насильстве да взяточничестве – они убийц наемных не раз на меня насылали... Потом Никон-волк, как стал патриарх, послал меня в Сибирь на погибель; потом нечестивый их Собор меня расстриг да сюда бросил отдельно от семьи моей. Как же мне от всего этого не затвердеть, скажи?

Епифаний. Что ж, Аввакумушко, всякой жизнь-то бывает, но душой твердеть нам все равно не позволено. Да и кому слаще выпала судьба? Всех нас гнали да ссылали, всех расстригали. А Лазарю да Федору еще и языки урезали – не Божья бы помощь, так и не могли бы они сейчас никониан обличать. Разве нам теперь друг перед другом заслуги хвалиться?

Аввакум. Не чту я своих заслуг! Коли есть они – Бог их сочтет на небеси, а коли нет... Но можно ли нам, апостолам истинной старой веры, друг друга позорить перед всем миром? Ведь вся Русь, от Соловков до Астрахани, на нас смотрит да нашего слова ждет... А если мы на глазах у всех будем на поклон к лжепопу Виталию хаживать...

Лазарь. Что ты все – лжепоп да лжепоп? Он старик, сорок лет уже служит, истинным епископом ставлен, говорят, даже больных молитвой своей исцеляет...

Аввакум. Это что же выходит? Твой Виталий – истинный священник истинной Церкви?

Лазарь. Я не про церковь сейчас спору. Но ты и сам говорил, что среди никониан тоже люди благочестивые бывают...

Аввакум. Эка удивил! Да благочестивые люди и в Риме есть, и в Турции, я думаю, найдутся. Больше скажу: благочестивых людей я и среди сибирских дикарей видывал! Да, благочестие по всему свету найдется, да что с того? Не благочестие спасает душу человеческую, а вера! А коли вера

крива - какое спасение ты у попа Виталия ищешь? Он свою веру весте с Никоном испоганил!,, Да что я не объясняю тебе? Будто сам ты этого не ведаешь!.. Довольно, довольно... Епифаний, старец, ты наш с Лазарем духовник - решай же теперь, что делать.

Лазарь. Ах вот как... Так вы судить меня собрались? Давай, старец, решай!.. Прогоните попа Лазаря к медведям на покаяние, покажите Пустозерью, что Лазарь нечист, вас, праведников, недостоин!

Епифаний (кладя руку ему на голову). Тише, батюшко, тише... Аввакум, дружок милый, ну что мне тут решать? Ты прав, а Лазарь наш кругом виноват. Да что нам теперь делать-то с ним, как его казнить? Разве к тому же попу Виталию прогнать? Так Виталий его

с радостью примет, да мы-то как останемся без нашего грешного Лазаря?

Пауза.

Аввакум. Старец, миленький, неужели и ты меня не понимаешь? Разве я кары непременно хочу для нашего Лазаря? Но нельзя нам спать, нельзя нам веселиться, нельзя нам винцо попивать да яствами ублажать чрево! Сами мы взяли свой крест – так кто его за нас понесет? И сколько еще протянется наша грешная жизнь? Может, завтра покончится? Не потерпит Владыка наших грехов – вот и конец! Так разве спать нам нынче пристало? Лазарь, тебе было с Соловков письмо, от верных иноков – ответил ты?

Лазарь. Отвечу...

Аввакум. «Отвечу»! Мужик ты – а бабы своей безумней... А что дальше? Вот кончится жизнь – куда пойдешь, на небо или в адскую баню? Уж там черти-то парят железными веничками, кровушку пускают! Этого, что ли, хотим дожидаться?..

Молчание.

Нет, ты не хочешь, и мы не хотим. Потому, старец, и надо его сейчас спасти строгим наказанием.

Епифаний. Нет, Аввакум. Уж ты сам его так спасай, а я не умею.

Аввакум. Не умеешь спасти? А на что же мы тебя духовником своим брали, как не на спасение? Нельзя нам терпеть друг друга богохульные дела!

Пауза.

Лазарь. А ведь вспомню – как я спокойно тут один-то раньше жил...

Аввакум. Спокойно? Ну, хорош, ничего не скажу! А вот Виталий – поп спокойно жить не желает: он и последних наших готов к себе перетащить! Война идет смертная, антихрист уже в мире – а они спокою ищут, чтоб под кустиком отлежаться! Нет, брат Лазарь, уж серчай не серчай, а спокою-то я тебе не дам.

Лазарь. Не дашь? А тебя начальником надо мной никто, кажись, не ставил. Сам я священный сан имею, крестить, причащать да отпевать православных христиан могу.

Аввакум. Священный сан имеешь! Диво, диво... А у Никона-антихриста сколько священных этих санов

было!.. Да не помешали ему те священные саны книги старые переправить, образа святые переписать, кресты на куполах церковных переделать!.. Не помешали те саны бывших друзей своих по ссылкам разогнать, не помешали за власть духовную с самим царем спорить!.. А почему, Лазарь? Да потому, что не священный сан спасает, а вера! Пусть они там в столице друг дружку епископами да митрополитами величают, пусть лают нас, что мы от Церкви отвернулись! От их Церкви мы отвернулись, а свою не предадим. И здесь будет правую веру держать, да одной верой и победим. Одной верой, только уж без сомнения!.. А ежели ты и свою веру правишь, а на никониан глазом косишь – кому же ты верный? Разве дьяволу одному.

Пауза.

Епифаний. Да с кем ты споришь, Аввакум? Все мы тут – против никониан борцы, все вместе за веру терпеливцы...

Лазарь. А вот так ему и не подходит, со всеми-то вместе! Лучше нас он быть хочет! Известно, мы – грешники, а он – святой!

Аввакум. Да не святой я... Грешный человек, может, всех вас грешнее.

Лазарь. Ага, и тут не можешь как все! Все надо из ряда вон: ежели грешник – так все первый!

Епифаний. Довольно, Лазарь, к словам не цепляйся.

Лазарь. А пусть он жить мне даст, не ходит по пятам! Мне свою веру людям доказывать нечего – меня

здесь и так все знают как апостола староверного!

Аввакум. Да еще как пьяничку горького.

Лазарь. Ой, не трожь меня. То не твоего ума дело! Я пил и буду! Я в этом краю ледяном только вином и согреваюсь по все годы! В нем моя последняя отрада, а ты меня и ее лишить хочешь?

Аввакум. А где молитва? Где твой пост, крепость души? Где покаяние ежевечернее? Ты что, поп, совсем пропил ум, если вино тебе – последняя радость?

Лазарь. А на что мне здесь ум? О чем тут думать? Чтобы жизнь прожить в Пустозерске милом – надо бы и глаза свои продать кому ни то!

Молчание.

Хватит, отцы. Оставьте меня о маменьке моей погоревать.

Аввакум. Что скажешь, Епифаний?

Епифаний. А вот что: обоим вам – ко мне на исповедь! (Бьет того и другого четками.) Не ссориться, не свариться! И обоим вам от меня епитимья – молчание налагаю на ваши уста!

Аввакум. Старец...

Епифаний (бьет его четками). Молчи, молчи! Ладно. Пойду к дьякону Федору, ждет он меня старинную Псалтирь разбирать. (Грозит им пальцем.) Смотрите мне! (Уходит.)

Пауза.

Лазарь (наливает стопу, выпивает).
А ты к вину, стало быть, не привык?

Аввакум. А когда привыкать-то было? В Сибири порой и коры древесной не хватало, а уж про хлебушко молчу... Помню, было в Даурской земле: от голода да немощи и правило-то молитвенное перестал читать. Повечерие только, да полунощницу, да час первый – а на большее и ослабел. Пошел однажды по дрова, Марковна с чадами у костра осталась. Аграфена-то мала еще была. Возвращаюсь – а у них плач да вопли: пока я ходил, онемела Аграфена, ни слова матери молвить не может! Чую – неспроста. Перекрестясь да помолясь, я к ней и приступил: «О имени Господни повелеваю: отвечай, кто тебе уста связал?» А она вдруг вскочила да так ясно: «Батюшка, Ангел во мне

сидел, молчать велел. Да приказал тебе: коли правило молитвенное читать вновь не начнешь – со всем семейством кости свои в Сибири оставишь!» С той поры ни дня я и не пропускаю...

Лазарь. Слушай, отче, есть у меня старая мысль одна... Только уж ты на меня не сердчай...

Аввакум. Ну?

Лазарь. И все бы ничего, и помереть на этих мытарствах не страшно – да гложет меня одно сомнение...

Аввакум. В чем сомнение, Лазарь?

Лазарь. Да так ли уж те перемены важны, из-за которых с церковью мы разошлись?

Аввакум. Ты что, Лазарь?

Лазарь. Ну посуди сам: ведь Никон и по новым, и по старым книгам разрешал служить, и из ссылки наших, бывало, возвращал, и бояр обличал за их безбожие. А что в обрядах и службах ошибки выискивал – так ведь правил-то он их по старому канону, не самовольно...

Аввакум. По греческому Номоканону! Греки под турками веру свою давно растеряли! Одна Русь стояла в православии и дальше бы стояла, кабы не Никон! Может, какие списки в книгах и случались – да разве стоило из-за тех описок всю Россию в смуту ввергать? Русский человек без веры – ровно и не русский! Он, Никон, у России веру отнял, он нас лишил нашей крепости вековой!

Лазарь. Полно! Мы-то с тобой —

попы, мы знаем, сколько и до него было любителей бражки! Чай, более, чем богомольцев – иначе не били бы они нас с тобой на улицах кольями!

Аввакум. Да не в бражке дело. Нас никониане обвиняют, что мы от Церкви отпали. Но это не мы отпали, а они! Церковь не там, где народу больше, а там, где правда! А правда вечная, отцовская – у нас, а не у них! Мы крестов не переделывали, мы книг не меняли!

Лазарь. Постой, да ведь и ты книжным справщиком был поначалу.! А уж потом, как на Никона осерчал, потом уж против справ-то стал выступать...

Аввакум (помолчав). Ты к чему это клонишь? Ну давай, говори.

Лазарь. Да к тому, что тут, может,

простая наша человечья обида, а не праведность, да не крепость в вере? Помню, как вы на него серчали, что вас на совет не зовет, что все дела один решает...

Аввакум. Так, значит, не за веру мы мучимся всю жизнь, а за свою обиду? И с такими-то мыслями ты можешь здесь. На самом краю земли, такие долгие лета терпеть? По ошибке, видно, ты здесь! Иди-ка лучше покайся да поезжай в Москву, на калачи!.. Вот теперь-то понятно мне, зачем у тебя приятели среди никонианских попов...

Лазарь. Эх... (Поет.)

Беседка ишла-пошла,

Беседушка веселая прошла.

Сударка была, была.

Рядом сидела,

Бражку пила.

А сделалась хмельна -

Тут и слово дала...

Аввакум встает, крестится на
иконы, кланяется, поворачивается,
чтобы уйти. Дверь распахивается,
впуская Домницу.

Домница. Батюшки! Родимые!
Человек из самой Москвы!
Присылку принес от верных людей!

Лазарь. Где он?

Домница. Сюда идут, сюда с
Епифанием да с Федором!

Аввакум. А присылка та от кого?

Домница. От старицы святой!

Аввакум. А, Меланья нас не забывает... Письмо-то он привез?

Домница. Привез, привез... Да вот ужо придет сюда...

Аввакум. Стой, Домна! Хочу спросить: знаешь ли ты, что на том свете еретикам будет! Как им бесы тело будут рвать да кости крушить острыми зубами?

Домница (крестится). Господи...

Аввакум. А почему к никонианам ходишь? Почему еретические потачки мужа своего исполняешь? Святые отцы учили: духовника во всем слушайся, но если он еретик – в этом его не слушайся и беги от него!

Домница. Куда же я от мужа побегу? Да и какое его еретичество, окстись! Ведь они батшкой

Виталием старые знакомцы, всю-то жизнь были приятели!

Аввакум. Знаю, наслышан о ваших подвигах любви!.. Тепло вы тут устроились, в холодном своем Пустозерье... нет уж, брат, мы вас потрясем маленько!

Домница. Дозволь мне-то идти?

Аввакум. Иди, иди, ставь самовар...

Домна уходит.

Лазарь, вино-то спрячь, ведь человек московский будет, о нас молву разнесет повсюду!

Лазарь. И пусть разносит.

Аввакум. Ну, тогда я гостей к себе поведу – у меня вина нет.

Лазарь. Ладно тебе, оставайся...

(Убирает бутылку и стопу.) Что это ты молвы-то так боишься?

Аввакум. Не за себя боюсь, за веру. Помнишь Апостола: «Да не будет имя Христово ради вас хулимо между язычников»...

Открывается дверь, входят Епифаний, Федор и Дорофей. Лазарь встает, из-за перегородки выходит Домна.

Федор. Молитвами Святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас.

Лазарь. Аминь.

Дорофей. Мир дому сему!

Лазарь. Спаси Бог! Проходите, гостеньки дорогие! Как москвича-то нашего кличут?

Дорофей. Дорофеем зовут.

Аввакум. С каким обозом шел,
Дорофей?

Дорофей. С купцом Иваном
Захаркиным. Супротив московских –
совсем простой человек...

Лазарь. Да проходите же к столу
поближе!

Все, кроме Домницы,
рассаживаются вокруг стола.

Аввакум. Ну, Дорофеюшка,
расскажи, что на Москве. Как наши
верные живут, что царь Федор да
бояре с ними делают, как народ
терпит?

Лазарь. Как добрался-то, Дорофей?
Разбойники не шалили?

Дорофей. Сейчас, отцы, сейчас,

опомнюсь только... Который среди вас Аввакум?

Аввакум. Я и есть. А пошто спрашиваешь?

Дорофей. А письмо из Москвы как раз на твое имя.

Аввакум. Давай, Дорофей, давай.

Дорофей. Сейчас, тут ведь где-то было... Ага, вот! От старица святой, от Меланьи.

Аввакум (берет письмо, распечатывает, начинает жадно читать). Так... Так-так...

Лазарь. Да что ты бурчишь себе под нос? Для всех читай – ведь из самой Москвы послание!

Аввакум (подняв голову). Вслух читать?

Федор. Читай, разумеется!

Аввакум (читает). «Пустозерским мученикам и добрым воинам Небесного Царя, вставшим за святую православную веру и за древнее русское благочестие, протопопу Аввакуму, да попу Лазарю, да диакону Федору, да славному иноку старцу Епифанию от их духовных чад московских – радоваться!»

Епифаний (крестится). Спаси и вас там Господь...

Аввакум (читает). «А на первое сообщаем, что бочонок крещенской воды, вами освященный, с посыльным вашим в целости получили – то-то радость была! А сколько исцелений было у пьющих ту воду и кропящихся ею: кто каким недугом и страдал – все враз стали

здоровы. И у самой как бы вроде рука сохла, да помазала оной водичкой трижды крестообразно – и поправилась...» Федор, это бы все записать надо в нашу летопись.

Федор. Запишу непременно.

Аввакум (читает). «А мирской наш монастырь в дому боярони Феодосьи Прокопьевны Морозовой стоит крепко: а что среди нас ссоры да нестроения – так вы тому не верьте. А коли что помалу и есть, так у самой боярони да нашего юродивого Митьки: обличает он ее, чтобы не ходила в мехах да не ела с серебра; она же его величает фарисеем, что будто сам он лишь для виду постится...» Ну что же за баба! Нет, уж я ей напишу Митю моего обижать – все равно, что голубя безвинного!..

Лазарь. У тебя что ни юродивый – тот и голубь!

Аввакум. Да не у меня, Лазарь, у Бога! Он их здесь всякой радости лишил, чтобы на небе все вернуть с лихвой!

Федор. Протопоп, читай!

Аввакум (читает). «А вот случилось у нас несогласие так случилось: бывший друг наш и заступник старой веры Неронов Иван, в чернецах Григорий...»

Федор. Что, умер?!

Аввакум (читает). «В чернецах Григорий... покался...»

Лазарь. Покался Неронов?

Аввакум (читает). «Покался перед никонианами и перешел в их

неправедную веру...»

Лазарь. Погоди, да там не описка?

Аввакум. Нет, так и сказать!

(Читает.) «В их неправедную веру и стал настоятелем Данилова монастыря, что в Переславле-Залесском». Нет, право, Неронов Иван – да не ошибка ли это?

Дорофей. Не ошибка это. Так и есть.

Пауза.

Аввакум (откладывает письмо, встает, отходит к окну). Боже мой... Неронов Иван, в чернецах Григорий – и никонианин?.. Не могу поверить...

Дорофей. Так всё, так. Ездили наши в Переславль, к самому. Принял от веру никонианскую. И впредь

властям обещал не прекословить ни словом, ни делом, ни помышлением.

Аввакум. Что же они, пытали его?

Дорофей. Т-то, что нет.

Добровольно покаялся, сказал, что против Церкви, матери своей, никогда больше голоса не поднимет.

Лазарь (после паузы). Что за беда... А ведь какой всегда был кремень! Как сослали меня в первый раз - Неронов за меня с Никоном сцепился. Так сцепился, что и его царь Алексей Михайлович в холодные страны упек. И не на год, не на два - а на шесть лет!

Федор. Да что говорить! И сам я бывал не раз свидетель: встретит Неронов патриарха хоть на улице, хоть в храме - и ну лаять его

распоследними словами! Бывало, и плюнет! И тот стоит, да молчит, да утрется, опустя голову – прости, мол, отче Григорий... Вот как: простой монах патриарха самого обличать не боялся!

Епифаний. Да, Неронов никогда никого неб боялся..

Аввакум. Никого не боялся, а нынче испугался кого-то?

Федор (помолчав). Опять же не он и первый. Никита Пустосвят да Ефрем Потемкин тоже на Соборе их для вида покаялись – а тайно всегда были в истине тверды.

Лазарь. Слаб человек...

Дорофей. Говорю вам, не по слабости он так сделал! Он и наших всех обратно в Церковь звал...

Федор. Мы и так в Церкви!

Дорофей. А он теперь говорит, что у нас никакая не Церковь, а самовольная раскольная ересь. Да ты, отче Аввакум, дочитай письмо-то! Больно старица просила всех вас об ответе.

Аввакум подходит к столу и берет письмо.

Аввакум. Ну что ж.. Так... (Читает.) И вышло у нас на Москве несогласие: одни говорят, что можно о здравии Неронова поминать, ибо много он сделал для старой нашей веры доброго...

Лазарь. Сделал немало...

Аввакум (читает). А другие с ним спорят и говорят, что больше Неронов человек не православный, а чистый еретик и за таковых

молитва Господу неугодна. Так просим вас, святые наши отцы, дать нам скорейше свой святой ответ, а то велики наши споры, и люди друг на друга зело сердиты...

(Откладывает письмо.) И люди сердиты друг на друга... Уже отцами святыми нас величают – знали бы, какой мы святости... Ну, что отвечать-то станем, святые отцы?

Пауза.

Федор. Если рассудить попряму... Что есть молитва? Молитва есть Бога благодарение либо же у Бога прошение. Благодарить за Неронова нам не с руки. Однако отчего бы нам Бога не просить о старом нашем труженике, о том, чтобы он на правый путь возвратился?

Лазарь. Опять же и благодарность... Он-то нам и словом и делом помогал; заступался за нас перед царем – отчего и нам теперь за него перед Владыкой Богом не заступиться? Господня-то любовь куда больше, чем царева! И милости Божьи с царскими не сравнить – так, может, и отмолим Неронова?

Аввакум (после паузы.) А ты что скажешь, старец Епифаний?

Епифаний. Что ж... Молимся ведь мы домашней молитвой и за инославных, и молитва такая не возбраняется. А коли можно за какого римского доброго человека помолиться – отчего нельзя и за Неронова? Да и молиться мы станем не о телесном здравии, а о душевном спасении!

Лазарь. О телесном здравии нечего и молиться!

Федор. Да и напротив: пусть Господь на него болезни найдет, пусть вразумит его через страдания тела!

Епифаний. Ну вот... Стало быть, о душевном спасении старого нашего брата, заблудшего Григория, отчего бы не помолиться...

Дорофей. Можно? Вот и мы на Москве к тому же склоняемся! Как-никак, а нет у нас против Неронова зла...

Федор. Заслужил Неронов нашей молитвы, заслужил.

Пауза.

Лазарь. Аввакум, а ты о чем задумался?

Аввакум. Есть у меня думка одна...
Дорофей! Ты когда шел к нам –
нигде не слышал про гари?

Дорофей. Да как не слышать! К вам
уже подходили, дня за четыре пути,
так сказывали верная братия: на
востоке дале, то ли в Егоркине, то
ли в Егорьеве такая гарь была...
Однако человек до двухсот себя
сожгли в трех срубах.

Лазарь. Неужели до двухсот?

Дорофей. А другие сказывали – и
того больше.

Аввакум. Двести человек зараз... А
ведь и жены, поди, среди них были?

Дорофей. Да пожалуй что половина
всех – бабы.

Аввакум. Жены, слабые сосуды... А
и детки там, наверное, случились?

Дорофей. Были и детки, которые с родителями.

Аввакум. И детки малые... И жены, стало быть, и деточки... И вот ведь как простые-то люди за веру стоят: без рассуждения, без умствования. По двести человек зараз сжигают – затем только, чтобы ересь никонианскую не принять! Чтобы нового римского креста не видеть! Чтобы по правленным книгам не служить в Божиих храмах! Так за кого же вы мне прикажете молиться, святые отцы – за Неронова, что нынче добровольно душу свою для ада приуготовил – или за этих голубей да голубиц, что по двести человек ко Христу отправляются вместе с малыми детьми? Или, думаете, огонек этот такой сладкий был для них, что и молиться за них не надо?!

Пауза.

Федор. Опять, опять ты за свое.. Ко Христу отправляются... А ты откуда это знаешь? Христос убивать себя никому не позволил! Напротив того, сказал, что самоубийство ни в этом веке, ни в будущем человеку не простится! А ты, Аввакум, не то что разрешаешь, а прямо благословляешь людей, чтобы жгли себя! Не высоко ли ты слово свое ценишь? Не выше ли, чем слово Царя нашего Небесного?

Аввакум. Никак ты решил меня обличить? Ну что ж, попробуй. Только с чего бы это ты так яро Неронова предательство защищаешь? Может, и сам так же покаяться желаешь? То-то, я гляжу, часто та задумываться стал... Пстой-ка, да ведь ты вроде и успел уже однажды покаяться? А ну-ка,

ответь нам всем, за что тебя тогда из Угреша освободили да на Москву отправили?

Федор. Ложь это, ложь! Говорил я вам сто раз: тогда у царя с царицей сын Иван родился – вот и простили меня!

Аввакум. Но ведь других наших тогда не простили...

Федор. Да не виноват я, что царь тогда так рассудил! А ты на меня лжешь, потому что правоту мою знаешь! Не велел Христос себя убивать, а ты велишь! Загордился ты, человече, выше неба себя поставить хочешь?

Аввакум. Я загордился? А ну-ка, скажите, отцы, может Бог гордому человеку дать власть над миром? Может или нет?

Епифаний. Известно, не может, чего спрашивать!

Лазарь. По причине гордости утроена преисподня, кто-то сказал..

Федор. Антоний Великий.

Аввакум. Значит, не может! А вот я вам теперь расскажу случай один. Никому не говорил про него и говорить не хотел, а придется...

Лежал я в ознобе как-то тому месяца два, а перед тем постился дней десять, вовсе ничего не вкушал... Долго лежал, и вдруг - чую как-то под утро:

распространяюсь весь под небесами, всю землю занимаю... Вот уже такой великий стал, что Бог-чудотворец вместил в меня и небо, и землю, и всю тварь земную! Чувствую, таким сейчас стану, что и солнце придется принять в себя —

то-то горячо будет! Взмолился тогда: Господи, пока не умер — сделай меня обычным человеком, не по силам мне еще такое величие!.. И потихоньку уменьшаться стал и в прежнее тело свое вошел... А как вспоминать стал величие свое — так мне любезно стало, право: светом был одет, небом прикрыт, а самое-то сладкое, что все мое — небо мое, земля моя, свет мой!.. Вот и вопрошу я теперь тебя, Федор: может Бог правосудный такое величие дать еретику?

Федор. Не знаю, я — не ты, я за Бога говорить не смею!

Аввакум. А не смеешь — молчи! Да и не по чину дьякону спорить со священством... А про Неронова, старого нашего друга и помощника, так постановим, он нас не

спрашивал, когда по доброй воле никонианам покорялся. А значит, и нам за него молиться – не сошлось. Еретик – всегда еретик. А лучше станем-ка мы молиться за голубиные души двухсот новопреставленных, убиенных еретическим патриархом Никоном за старую веру!

Дорофей. Окстись, батюшко! Никона сам на Белом озере в Ферапонтове монастыре сидит давно сослан, из патриаршего сана его тогда же Собор изверг, когда и вас всех расстригал – как он мог их убить?

Аввакум. А он прежде их убил, когда русскую, самую благочестивую веру на свете стал по греческому образцу править! И эти двести душ пусть на него падут на него! А тебе, друг Дорофей, за

труды твои спасибо, однако ты ведь человек вроде не духовного сана?

Дорофей. Куды, мирянин я простой, по жестяному делу.

Аввакум. А устав помнишь? Тебе среди нас по достоинству – последнее слово, да и то, если сами спросим о чем.

Дорофей. Так, батяно, понял я... Однако, может, и впрямь придется кое о чем меня спросить...

Аввакум. Ты про что это?

Дорофей (встает). А видишь ли, батюшко, я и человек-то негордый, а как кто заденет меня без вины – так мне становится грустно да нерадостно, прямо хоть подохни...

Аввакум. Не пойму, что ты за петли плетешь?

Дорофей. Разговор у меня есть по твою душу, да только не ведал я, с какого боку к нему подступиться. А ты мне сам и помог. Вижу, ты человек праведный, значит, и разговор мой тебе невредный...

Аввакум. Полно загадками говорить! В чем твое дело?

Дорофей. А оно не мое вовсе! Видите, отцы, ведь я к вам шел не через Яренск да Сольвычегду, а шел я через Холмогоры...

Аввакум. Что? Ты на Мезени был? Так что же молчишь-то про то?.. Ну скажи, скажи же, как там наши все? Как мое семейство дорогое? Как Марковна, детки что?..

Дорофей. Да видишь ли, дни-то не светлые им наступили..

Аввакум. Что за беда?

Дорофей. А такая беда: пришел за неделю до нас стрелецкий полуголова Елагин Иван. И стал по цареву указу людей допрашивать о старой вере: пошто-де, в своем упрямстве стоите пошто сердите батюшку-государя. Слово за слово – а тут и пятки ему подавай... И начал он...

Аввакум. С моих сыновей...

Дорофей. Куды! Начал он с двух юродов твоих, Алешки да Павлушки...

Аввакум. Еще с Сибири за мной ходили, люди Божьи...

Дорофей. И спросил он их: как, мол, веруете? А они ему: веруем, како нас научил батюшка Аввакум. И двуперстное знамение ему, вот правда, вот правда! Тут он и разъярился...

Аввакум. Ну? И что? Что?

Дорофей. Повесил юродов Елагин.

Аввакум. Вот как... Деточки мои миленькие, исповедники веры... Вся-то жизнь прошла в мученьях да гноеньях... Постники были, молитвенники – не то что мы, ленивые!.. Алешенька, бывало, по две недели крошки малой в рот не брал, а Павлуша – тот на снегу спать любил, водой облившись... Потрудились, потрудились, рабы Божии Павел да Алексей!.. Господи, даждь им Царствие Небесное!..

Все крестятся.

Ну а после... Говори, что же теперь... После взялся палач этот за сынов моих, Ивана да Прокопия?.. Ведь так было?.. Отвечай, Дорофей! Не молчи, прошу тебя...

Дорофей. Да уж не скроешь... После
взялся Иван Елагин за твоих
горемычных сынов...

Пауза.

Аввакум. Ты, Дорофей... Ты скажи...
Нет, постой... Ты не рассказывай
ничего – мне не надобно!.. Ты
скажи только одно: мне, значит,
теперь служить о сынах моих
панихиду?.. Вместе с сожженными
мне их поминать?.. Ты только
ответь: да... И ничего не говори!..

Дорофей. Да зачем же панихиду? О
здравии молись.

Аввакум. О здравии? Живы? Мои
Иван да Прокопий живеньки?..
Погоди, да как же такая радость
случилась?.. Значит, не было
Елагину повеления от Федора-царя
против моих детей? Или испугался
он новой крови?

Дорофей. Да нет, и указ царев был. Да и Елагин этот не из пугливых. Только...Только для чего же ему их казнить было? Повинились твои сыны перед Иродом, отреклись от веры.

Пауза.

Аввакум. Ты что сказал?..

Дорофей. Что было – то и говорю! Привели их к Елагину, поставили пред светлые очи, он им только плеть издаля показал, помахал этак – они и в ножки ему повалились: «Не губи, отец родной! Не нудна нам старая вера! То батька наш упрямится – его и казни!»

Аввакум (тихо). Врешь, подлец...

Дорофей. В ногах валялись, слезьми обливались! Поглядел на них Елагин Иван – да ничего и не

сказал. Только плюнул: ох, мол, сопливы дети у Аввакума...

Аввакум. Ты... Да ты смеешься надо мной, смерд?

Он встает и идет на Дорофея. Тот отступает, изготовившись к раке.

Мои сыны со мной... по Сибири... Все муки вместе прошли, не посетовали ни разу!.. А ты, гнида... Мизинца их не стоишь, а туда же – учить да обличать?.. А хочешь, я тебе сейчас – анафему, слуга бесовский?.. Навсегда от Церкви отлучу, сатанинский последыш!.. Помню, помню тебя – ты Орефа-колдун из Даурской земли, ты и тогда нам смерть колдовал, да не вышло по-твоему!.. А где рога твои, сатана?.. (Хватает у Дорофея над головой.) Вот, вот, поймал, держу!..

Дорофей (отскакивая за спину у

Лазаря). Отцы!.. Отцы, да что же это?! Мне, посланнику из самое Москвы - анафему?.. Отцы, да гляньте на него - не бесноватый ли?..

Лазарь. Аввакум, довольно! В моем доме распоряжаться не сметь. Я тут хозяин, я! не любо слушать - иди, широка дорога!

Аввакум (как бы опомнившись). Видно, так и придется... Так и придется... В доме, где вас клянут, — не оставайтесь, и прах его с ваших ног отрясите...

Дорофей. Только и осталось, что прах отрясать... Правда колет глаза!

Аввакум. А это кто? А, бесправдолюбец... А ну-ка, иди сюда.

Дорофей. Для чего? Опять анафему

слушать? Уволь!

Аввакум. Иди сюда, иди... Сейчас всё мы проверим... Вот перед нами иконы наши истинные, старые, вот крест наш трисоставный – а ну, клянись перед ними в том, что сказал! Клади на себя крест – и клятву говори!.. Что же ты мнешься? Испугался?..

Дорофей. Да чего мне пугаться-то? Я перед Богом прав! Вот, гляди! (Крестится на иконы.) Клянусь перед этими святыми образами, что сыновья твои старшие, Прокопий и Иван, перед стрелецким начальником Елагиным повинились, а нашей старой истинной веры...

Аввакум. Нет, Дорофей! Молчи!.. Прошу, довольно... (В бессилье опускается на лавку, и видно, что

он стар в свои сорок семь лет.)

Пауза.

Лазарь. Да, вот она, праведность-то, какие колена выкидывает..

Федор. Тут не праведность, а гордыня... Загордились юноши, что Аввакумовы дети, а где гордость – там слепота; где слепота – там и падение...

Лазарь. Для верных-то каково будет об этом услышать! Если даже Аввакумовы чада еще до пыток каются – то кто может самые пытки выдержать?

Федор. А если бы письмецо им написать?..

Аввакум. Дорофей!

Дорофей. Чего тебе?

Аввакум. Дорофей, так это правда?
Так и было, как ты говоришь?

Дорофей. Еще не поверил! Да какие же тебе клятвы надобны?

Аввакум. А Марковна... Она-то что?

Дорофей. Известно... Плачет, горюет об их отступничестве.

Аввакум. Опять горюет... Бедная моя... Мало мук-то приняла в жизни – еще и это свалилось на голову седую!.. Помню, как в Сибири деток наших хоронила... Бывало, и слезы-то не пойдут в другой раз – так глаза высохли... Ох, да о чем я теперь!.. (Встает, подходит к Дорофею, трудно опускается на колени). Дорофей, брат мой, прости меня.

Дорофей (вскакивая). Ты что, батюшка, за что тебя простить?

Аввакум. Осердился на тебя по гордыне – прости меня, любезный мой... Прости подлеца старого, недоумка...

Дорофей. Господь с тобой, да и я был не лучше – прости же и ты меня! Да встань с колен, умоляю! Сана-то передо мной не унижай! (Пытается поднять Аввакума.)

Аввакум. Сана?.. Да я его недостоин... Боже, Боже – всю жизнь учу да проповедую – а сынов своих родных научить не сумел... Всех неверных обличаю неустанно – а сынов так ни разу и не обличил! Поделом... Поделом мне дураку, невежде – так-то страшно смиряет меня Господь!.. (Встает с колен.) Простите, отцы. Недостоин я с вами здесь быть... (Направляется к выходу.)

Лазарь. Ты куда?

Федор. Останься, батько!

Аввакум. Простите, простите,
отцы... не могу я... Нет сил в глаза
вам глядеть...

Дорофей. Да как же так, батюшко?
Ведь я для тебя от старицы
Меланьи малинки привез! Для тебя
она ее и сушила – знает, что
любишь...

Аввакум. Малинки? Мне бы не
малинки... Мне свинца сейчас
расплавленного в глотку, чтоб
проповедовать не смел...

Дорофей. Да погоди же, погоди!
Ведь я и обратно пойду через
Мезень! Напиши письмо сынам,
наложи епитимью, прикажи в грехе
исповедаться! Мало ли бывает:
юноши нестарые, смерти

испугались... А кто ее не боится, костлявой! Напиши письмо, я передам, глядишь – возвратиться Иван с Прокопием к правой вере!

Лазарь. А что? Дело говорит Дорофей!

Федор. Только вот на Руси-то узнают...

Лазарь. Э, на Руси!.. На Руси теперь до того ли? По Волге Разин Стенька гуляет, волнует народ, Соловки который уж год держат осаду от царевых войск за правую старую веру – кто услышит про Прокопия да Ивана!..

Дорофей. Отчего же, батюшко Лазарь... На Руси про все слышат. А вас-то особенно все верные считают за апостолов и мучеников. И про мезенцев-страстотерпцев помнят. Нет уж, на Руси ничего не скрыть, у

нас каждая душа на просвет видна.

Лазарь. Верные поймут, коли объяснить, а вот когда никониане узнают... Составить бы грамотку поскорей, да дело-то и замять между собой.

Пауза.

Аввакум. Старец, твой приговор остался.

Епифаний. Не судья я, чтобы приговоры изрекать. Лазарь, Евангелие твое где?

Лазарь. На что тебе сейчас?

Федор. Дай, коли просит старец.

Лазарь подает Епифанию книгу. Тот, беря ее, крестится, то же делают все. Епифаний открывает Евангелие.

Федор. Премудрость, вотнмем!

Епифаний (читает). «Во время оно Петр сидяще во дворе и приступила к нему некая рабыня и рекла: и ты был со Иисусом галилейским. Он же отвергся перед всеми, глаголя, не вем, что речешь. Изшедшего же его ко вратам, узре его другая рабыня и глагола всем: и сей был со Иисусом назореем. И паки он отвергся с клятвой: не знаю человека сего. Спустя малое время приступившие к нему стоящие рядом, рекша ему: воистину, и ты от них, ибо речь твоя обличает тебя. И начал Петр божиться и клясться: не знаю человека сего – и петух возгласил. И обернувшись, воззрел Господь на Петра, и помянул Петр слово Господне: прежде, даже петух возгласит, трикраты отвержешься меня. И вышел вот, плакася горько...» Это про кого

писано в священной Евангелии,
протопоп?

Аввакум. Про Петра-апостола,
старче.

Епифаний. Вот, стало быть, даже
Петр-камень от Христа отрекался. А
твои сыны что, праведнее его?

Молчание.

Пиши, чтоб каялись да впредь не
согрешали.

Аввакум. Так, старче... Спаси тебя
Бог... Как ты рассудил-то здраво...
Пойду я, прямо сейчас накалякаю
им грамотку...

Входит Домница, неся самовар.

Домница. Вот, отцы дорогие,
кипяток поспел!

Дорофей (беря свой узел). Хозяйка, тут малина сушеная, а тут меда корчажка...

Домница. Ох, балует нас праведная старица, игуменья Меланья...

Дорофей. У нее ведь там одна забота: чтобы вы здесь, молитвенники наши, телом не ослабли да не упали духом. Вы – учителя, а мы там – ученики ваши!

Федор. Да разве на Москве из наших духовных никого не осталось?

Дорофей. Да ведь после этого, как Неронов... Постоите, так как же нам с Нероновым-то быть? Можно молиться за него или нет?

Молчание.

Отцы, вы не молчите! Ведь мне

всякий ваш ответ на Москву везти!
Что с Нероновым, или анафеме его
предавать?

Епифаний. Аввакум, твое слово
осталось.

Аввакум. Что ж я... Я не судья... Бог
даст – и Неронов покается, как
Петр-апостол...

Дорофей. Вот и мы так же там
порешили!

Лазарь. Слабость жалости
достойна, а не осуждения.

Федор. Друг ко другу нам бы быть
помилостивее...

Аввакум. Дорофей, хоть два слова
скажи, как они там, на Мезени
проклятой... Голодают, поди? Холод
терпят?

Дорофей. Что скрывать, не без того. Ну да кто нынче не голодает!

Домница. Ох, да мы с батькой Лазарем уж сколько лет здесь – а такой зимы, как нынешняя, кажись, не видывали! За пуд постной оленины, бывало, и три рубля просили, и больше того!

Лазарь. Домна...

Домница. Молчу, молчу...
Благослови, отец, заварить малинки?

Лазарь. Бог благословит.

Домница (хлопоча у стола). В этом году, как на грех, на ягоды да грибы тоже был неурожай. А ведь, бывало, засушишь, намочишь – так до самой Пасхи с запасами живешь... Еще ладно, мы-то с Лазарем всю жизненьку вдвоем, всех шестерых

деток Господь прибирал сразу после крестин, а как другим-то нынче голодно было...

Лазарь. Ну довольно, довольно. Мы здесь собрались не об хозяйстве радеть...

Домница. Вестимо: священство Бога молит, миряне – хозяйство ведут; так все вместе и спасаются... (Дорофею.) А правду ли говорят, что-де на Москве пророчица появилась новая, Агафья, девушка безногая?

Дорофей. Как же, Аганя-безножка! Народ ее за святую чтит.

Федор. А что пророчествует она?

Домница. Люди сказывали, опять конец света?

Дорофей. Про то не слыхал. А вот

что вся Русь скоро огнем погорит
– это знаю, сам слышал из ее уст.

Домница. Неужто вся?

Дорофей. От края до края.

Лазарь. Ну, всю-то Русь никакому
огню не спалить.

Аввакум. Не спалить? А разве
сейчас не горит она? Духовный огонь
каждую душу пополам! Никон-
антихрист на землю его свел – вот
теперь и жаримся мы в том огне!
Может, тебе, друг Лазарь, тот огонь
почувствовать трудно – ты его
каждодневно винцом заливаешь; а
мы-то видим, знаем, как Русь
обуглилась! Оттого верные и жгут
себя, что нету сил терпеть огонь
небесный! Оттого и войны, и глады
на местах, и нашествие
иноплеменников... Оттого и муки
нам посланы, и темницы, и кровь,

что Русь горит, что не сберегли мы ее!

Домница. Вот! А я тебе что говорила, Лазарь? Как ночь – так в южной стороне на небе словно сияние какое! То я и думать начала: неужто Русь возгорелась?

Лазарь. Молчи, баба! (Аввакуму.) Значит, я огонь вином заливаю? А спросил ты, отчего так? Может, я его больнее, чем ты, чувствую – оттого и терпеть нет сил! Ты вот не пьешь вина, а толку что? Думаешь постом тот огонь утишить? Не выйдет! И никто из нас ничего не сможет сделать, потому что мы здесь, а Русь – там! И не нужны мы ей, давно не нужны! Вот почему я и пью, что жизнь моя покончена...

Пауза.

Епифаний. А что, Домница,

малинка настоялась?

Домница. Давно уже! (Наливает ему.) Пей, старче!

Епифаний (отхлебывая чай).
Наговорили... Накричали... Что
гость-то московский подумает про
нас? Его к пустозерским отцам за
правдой послали, а пустозерские
отцы и промежду себя немирны.
Так, что ли, Дорофей?

Дорофей. Да я... Как знать...

Епифаний. А ты не верь. Все это
видимость только. Тут пред тобой
постники собрались да
молитвенники, но подвиги-то свои
они не перед людьми творят, а
перед Богом. Сказано, если
молишься Богу - затворись в
горнице своей и не будь как
лицемер, что молится на площадях
в глазах народа...

Дорофей. Так я... Разве я не понимаю... Пустозерские отцы да соловецкие отцы – истинной старой веры оплот! Мы-то что, мы неуки, простецы, в книгах не понимаем... На вас вся надежда, чтобы не обольстили нас волки в овечьих шкурах!

Епифаний. Ты прав... Домна! Завтра людей наших собери всех, а Дорофей им расскажет, как на Руси старую веру держат.

Домница. Прямо с утра всех обегу!

Епифаний. А что-то малинку-то один я пью... Аввакум, тебе ведь прислана, да ты и любитель...

Аввакум. Старец, старец, тихий ты человек... Однако задумаюсь иногда: всегда ли тихость наша вере на пользу? Примирил ты нас вроде, да ведь это только сверху – а

внутри что? Как Спаситель говорил? «Не мир вам принес, но меч!» Вот так же, видно, и моя Марковна на Мезени сыновей моих утишала, хотела, чтоб бескровно дело кончилось. А кончилось чем? Позором, стыдом на наши седые головы! А все оттого, что мир да любовь дольше, чем правду, возжелали! Нет, старец, лучше уж не надо мне такого мира. Не стану я делать вид, что все по-доброму. Мои сыны за мои грехи на Мезени веру предают, Домна с Лазарем в Пустозерске не гнушаются никонианским попом – да где ты отцов-то святых увидел, скажи? Мы за такую святость преисподней достойны, а не малинки!.. А ты, Дорофей, так и объяви на Москве: «До конца света дошел, а ни святого, ни праведника не встретил! А были Алеша с Павлушей – так и те уже не на

земле»... Ладно, развякался опять...
Ей-богу, надоел уж я вам всем...
Однако, простите, молчать не могу.
Пока жив – буду вякать, буду!..
(Идет к выходу.)

Домница (бросаясь к нему).
Батюшко, благослови!

Аввакум (благословляет ее).
Молись, Домна, за грешного
Аввакума. (Всеи.) И вы помолитесь,
отцы. Дорофей! А скажи, братец:
Агафья ваша блаженная какую веру
держит?

Дорофей. Веру?.. А вот, отче, и не
отвечу... Все ее за святую чтут, так
о вере-то никто и не спрашивает.

Аввакум. Вот ведь как! Если святая
– так не важно, какой и веры... Так
у римлян тоже есть святые – да нам-
то они никак не годятся! Слышишь
ли ты меня, Дорофей?

Дорофей. Понял я, батюшка, понял!..

Аввакум уходит.

Пауза.

А что, мнится мне, батюшка
Аввакум изо всех самый строгий?

Федор. Горячий у нас Аввакум,
огонь его сжигает. Вот и он этим
огнем других палит...

Дорофей. Вот они... Господи, вот
они, праведники да святые...
Сподобился и я такой встречи... Вот
уж на Москве старице да боярням
рассказывать буду... Значит, не
терпит греха батюшка протопоп?

Федор. Выходит, так.

Дорофей. Так, так... Русский
человек, сказано, правду любит... И

ведь как он, провидец, Анны, бабы моей, слова услышал!

Федор. Какие слова?

Дорофей. Да ведь она, когда провожала меня, так и говорила: «Счастливым ты, Дорофей, праведников да мучеников лицом к лицу увидишь!» Отцы, а на постой-то меня куда определите?

Лазарь. Выбирай, где любо. Хочешь, у нас оставайся...

Дорофей. Да уж позвольте тогда у Аввакума остановиться?

Лазарь. Как желаешь. Вон, Домна тебя проводит.

Дорофей (быстро собравшись). До завтра, отцы! Простите неука, если что соврал по простоте! (Уходит с Домной.)

Пауза.

Лазарь (доставая бутылку и стопу).
Уж простите тогда и меня.

Федор. Эх, Лазарь, отстать бы тебе
от винца...

Лазарь. И вы туда же? Эх!..
(Наливает, пьет.) Жизнь моя
покончена...

Епифаний. Стыдись
богохульствовать, Лазарь! Не тебе
решать, когда жизни сей конец
придет. Твое дело терпеть ее.
Забываешь, для чего мы здесь? Вся
Русь глядит на нас, ждет нашего
слова!

Лазарь. Не верю я в это.

Епифаний. Ну так Бог тебе на том
судья. (Встает, уходит.)

Лазарь. Опять, опять я перед всеми виноватый! Ну скажи дьякон, неужто один я среди вас – дурак? Пришел Дорофей, поглядел, послушал – и вот уж и он за праведным Аввакумом побежал...

Федор. А тебе завидно стало?

Лазарь. А хоть бы и так. Разве мы не столько же терпим?.. А может, выпьешь со мной, Федор?

Федор. Да ведь сегодня пятница, постный день.

Лазарь. Вот так всегда! Вы — постники, я — скоромник.

Входит Домна.

Домна. Сидите еще? Отец Федор, у Дорофея-то и для тебя есть письмо от сына Максима!

Федор. Да что ты?

Домница. Совсем, говорит, из головы вон со всеми спорами да разборами... Иди скорей, ждет он!

Федор. Прощайте тогда. (Уходит.)

Лазарь. Женка, выпьешь со мной?

Домница. Да уж наливай, куда денешься... (Присаживается к столу.)

Лазарь (наливает себе и ей). За маму мою. Вечная память!

Домница. Царствие небесное...

Они пьют.

Знаешь, батя, как сегодня про огонь-то заговорили, я так и подумала: нет, благ Господь! Прибрал деток наших к рукам – и в

Царстве Своем упокоил. Зато здесь у них ни мук не было долгих, ни болячек зимних... Только... нам-то вот как от огня страдать придется?..

Лазарь. От огня помереть или от смерти – не все ли равно? Нет, я о другом задумываться начал: если вся Русь за старую веру – что же царь народ свой не слушает, да нас гонит? А если верных нынче лишь малое число осталось – чего мы тогда в этих снегах потеряли? Вот где у меня концы с концами расходятся... А что Виталий? Здоров? О чем говорили?

Домница. Разве не знаешь его! Все о том же: покайтесь да покайтесь, да в Церковь возвратитесь, не будьте церковному расколу начальники, а не то сугубый грех примете на души...

Лазарь. Пугать он горазд...

Домница. Да и сам он напуган. Со мной говорит, а слезы так по бороде и текут. Говорит, жалко мне вас, худое дело делаете против Церкви. А кому, мол, Церковь не мать — тому Бог не отец.

Лазарь. Читали, знаем. Больше ничего не сказал?

Домница. Ничего не сказал. Только говорит: «За счастье почту когда-нибудь вместе с Лазарем обедню в храме служить»... А слезы все так и брызжут...

Лазарь. Добрый он. Добрый, а веру новую принял. По доброте ведь и принято-то, не хотел властям перечить. Нет, не спасет доброта, прав Аввакум.

Домница. А что спасет?

Лазарь. Правая вера по старому обряду. (Поднимает два пальца.) Вот правда! А к Виталию больше не ходи. Какое общение может быть у праведных с грешниками?.. Давай-ка, жена, что ли и остатки...

Домница. Да ведь хватит тебе.

Лазарь. Ничего... Аввакум дутхами упивается, а я вот — вином простым. Уж тут каждому свое, в меру его возраста душевного. Да не бойся ты, право, простит меня Бог!

Домница. Как знать...

Лазарь. Простит!.. Всех нас простит!.. Помнишь, как в Писании? «Его же милость безмерна, и милосердия неисследимая пучина...» (Пьет.) Прости меня и ты, матушка моя. Худо я тебя сегодня помянул... Ну да ладно: завтра еще будет день —

уж завтра никто не помешает...

Действие второе.

Спустя тринадцать лет. Пустозерск. Просторная полуземлянка с низким потолком, маленькие зарешеченные окна. Аввакум за столом пишет, Епифаний читает толстую книгу. Оба сильно постарели. Аввакум несколько раз макает перо в чернильницу, разглядывает его,. Встает, идет в угол, достает откуда-то бутылочку, встряхивает.

Аввакум. Старец, а старец!

Епифаний (поднимая голову от книги). Чего?

Аввакум. А где же чернила? нешто уже кончились?

Епифаний. Разве больше нет?

Аввакум (переворачивая бутылку).
Ни капли.

Епифаний. Ну тогда кончились.

Аввакум. Да как же так. Я сам
полную бутылку разводил
третьеводни!

Епифаний. Диакон Федор приходил
вчера, просил займы.

Аввакум. Федор? И ты ему отдал
наши чернила?!

Епифаний. Ну отдал, а что за грех?

Аввакум. Нет, это не грех, старче,
не грех... Это безумие прямое, вот
что это! Дьякону Федору на его
еретические сказки ты чернила
жертвуешь, а нам своих книг на
пользу верным теперь и написать

нечем? Ты во сне был, что ли, или он околдовал тебя? Дьякону Федору, который на Самого Бога нашего, на Святую Троицу, и то хулу возводит!..

Епифаний. Ну не серчай, достану я тебе к вечеру чернил!

Аввакум (машет рукой). Да полно! И писать-то расхотелось... Неужели и ты не понимаешь: Федька нынче не нам друг, а Никону-антихристу!

Епифаний. Ох, Аввакум...

Тринадцать уж лет у вас борьба... Добро бы с никонианами лаялись, или хоть бояр-безбожников обличали, что вовсе никакой Церкви не признают, да на запад солнца ровняются... А между-то собой — что вы не поделили? Вместе осуждены, вместе сосланы, терпим вместе — так о чем ваш

спор?.. А сколько от вашей вражды всем нашим вреда! Ведь уже и рассудить не могут, кто из вас прав — ты ли, или Федор! Миром, миром бы вам...

Аввакум. Миром?.. С еретиком, который о Боге учит ложно — миром? Ну спасибо, старец, спасибо, советчик!.. Этак, может, мне и с Никоном помириться, и с папой римским, и с Магометом?.. И ты мнишь, что коли мы с Федькой в соседних ямах сидим — так я его грехи потерплю?

Епифаний. Чужие грехи — не свои, их Господь велел терпеть.

Аввакум. Но не ереси! Ереси огнем выжигать — и то мало!

Епифаний. А коли всех нас вместе сожгут когда-нибудь — и перед костром спорить станете?

Аввакум. Не спорить — обличать!..
Да нет, не понимаешь ты...

Пауза.

Епифаний. Ну, считаешь, что
нынче написал?

Аввакум. Да вот, повесть одна
вспомнилась. Как из Сибири на
Русь возвращались, взял я мытаря
одного с собой Василием звали.
Доносчиком был, ябедой. А как
Пашков-мучитель ушел на Москву,
казаки порешили Василия кончить.
А я его у приказчика одного
выкупил да на Русь и повез,
дурачка...

Епифаний. Да ты читай!

Аввакум (читает). «...и на Русь его
повез. А за ним погоня! Деть его
негде стало. Тут-то, простите, я и
своровал: спрятал его на дно судна,

на него постелю накиннул, а протопопице велел сверху лечь. Везде они ищут, а ее с места не стронули да еще говорят: «Почивай, матушка, и так ты горя натерпелась!» А я лгал: «Нет его у меня!» — не хотел просто так его на смерть выдать, хотел, чтобы успел он еще покаяться да грехи свои замолить. А что он и меня пытал когда-то — Бог его простит, а я простил давно. Да я бы, может, и Никона самого помиловал, как бы покаялся он в своей ереси. Но не покается он, и от руки Господней не уйдет!..»

Епифаний. Правда...

Аввакум. «Так и поехали казаки ни с чем. Простите же, что тогда лгал — а ладно ли сделал, нет ли — не знаю...»

Епифаний. Добро сделал, добро! И тебя и Настасью твою Бог за то благословит! Дай-ка, я припишу от себя! (Берет перо, макает в чернильницу.) Ох ты, чернил-то нет. Ну читай, что еще?

Аввакум. Еще, как на Соборе патриархов обличал.

Епифаний. Слушаю.

Аввакум. Это как я их тогда отлаял... (Читает.) «Рим давно упал и лежит невосклонно, и ляхи с ним погибли, враги христианам. Да и у нас, греков, православие пестро от насилия турецкого Махмета. А вы впредь приезжайте к нам учиться — у нас, Божию благодатию, самодержавие крепкое! До Никона-отступника у благочестивых царей и Церковь была немятежна. Никон-волк со дьяволом тремя перстами

креститься научили, а первые наши
пастыри пятью перстами
крестились...»

Голов в окно. Эй, Аввакум Петров!

Аввакум. Чего тебе, Андрей?

Голос. Лазарь к вам просится —
пустить, что ли? Говорит, новости
важные есть...

Аввакум. Новости? Из России?
Пусти его, пусти!

Голос. Да у него денег нет.

Аввакум. Я заплачу, я!

Голос. Ты и так мне полтину
должен!

Аввакум. Рубль отдам! Знаешь ведь
мое слово!

Голос. Ну гляди же...

Хлопает дверь, входит Лазарь. Он постарел еще заметнее, руки трясутся, взгляд мутен.

Лазарь. Ну, отцы... Ну, отцы, новость... Вот уж новость...

Аввакум. Что стряслось?

Лазарь. Вот уже стряслось так стряслось... Кажется, и небеса потрясаются... Небеса потрясаются — земле отрыгается...

Епифаний. Да говори дело, Лазарь!

Лазарь. Дело... Вот дело... Говорил я тогда, раньше... когда еще Домница живая была... Говорил Аввакуму: не надо так...

Аввакум. Что, что не надо? Что же ты душу-то из нас тянешь?

Лазарь. Говорил, не надо нам
твердить, что Никон антихрист! Не
надо того всему миру
проповедовать!..

Аввакум. Ты говорил? Да ведь ты же
это первый и придумал, а мы-то уж
подхватили!..

Епифаний. Да погодите, не до ссор!
Ну что Никон, что?!

Лазарь. Умер Никон, вот что!

Пауза.

Аввакум. Как узнали?

Лазарь. Антон-Леший Федору
письмо сегодня от Максима-сына
привез.

Молчание.

Вот так-то... А то: «антихрист,

антихрист»... Да кто же не знает, что антихрист когда придет — то уж не помрет, потому как при нем и света конец совершится...

Епифаний. А где умер-то он, в Ферапонтове, в келье своей?

Лазарь. Да вот то-то, что нет! Оказывается, давно уже Федор-царь нынешнего патриарха упрашивал, чтобы простили Никона. А тот не соглашался. Тогда списался царь с греками-патриархами, те ему и ответили: незаконное то было отлучение, незаконное лишение патриаршего сана, незаконен-де и сам Собор, и ни в чем Никон не виноват перед Церковью православной...

Аввакум. Вот оно как...

Лазарь. Как царь Федор письма эти получил — тут же на Бело озеро

Никону грамоту посылает: прости, мол, святой отче, моего батюшку покойного, да возвращайся на Русь поскорей, да выбери себе для жительства любое место, а мы только просим до смерти быть нашим богомольцем...

Аввакум. Федор у Никона прощенья просил... Царь у расстриги-патриарха!

Лазарь. Так по-теперешнему выходит, что никакой он не расстрига, а настоящий патриарх — Собор-то был незаконный!

Епифаний. Коли Собор незаконный — и вы с Федором не расстриги. И звать вас так они больше не смеют!

Аввакум. Да тьфу мне на их расстрижение и на их Собор! Я и тогда уже его беззаконным назвал!..

Молчание.

(В задумчивости.) Значит, нас не простил, а у Никона сам прощенья просил... А ведь как я его умолял слезно! «Не смею называться богомолец твой, но яко некий изверг умоляю: помилуй мя, сыне Давидов! Услыши малое моление мое, преклони ухо твое державное ко мне!..» Так нет же, не услышал, не преклонил державного уха... Стало быть, уже тогда задумал он это подлое дело... А я-то просил по простоте: «Дай мне волю, дай три дня, один день дай — всех я их, еретиков, перепластаю! И руки свои омою этой кровью, а не запачкаю!..» Куды!.. Он в это время голову ломал, как Никона с почестями принять...

Епифаний. Как он умер-то, Лазарь?

Лазарь. Дряхлого уже, чуть живого по рекам сплавляли к Ярославлю, а по берегам все народ окрестный встречать выходил...

Аввакум. Народ? Да ты шутишь! По Волге и наших полно!

Лазарь. В письме так, я только пересказываю. А как пришли к Ярославлю — он на берег было вышел — да и не вышло ему. Так в лодке и помер.

Аввакум. А люди что?

Лазарь. А люди-то якобы три дня к руке его подходили, и сколько было недужных — все тут же и исцелились...

Пауза.

Аввакум. Старец, как же так? Три дня народ подходил к руке?

Епифаний. Говорят так.

Аввакум. Да что же это — он всю Русскую землю успел обмануть и в новую веру обратить? Три дня народ — откуда его там взялось столько?

Епифаний. не знаю.

Аввакум. А уж чтобы недужные исцелялись — тут и слов моих нет! Еретика Бог исцелениями не прославляет! Не было такого ответа — и не будет!

Лазарь. А в письме написано.

Аввакум. «В письме...» А ты-то чему радуешься, бедненький? Последний ум пропил, как Домница померла? Нечему радоваться, горевать надо, что слуга антихристов людей обольщает!..

Голос. Эй, да скоро вы там? Тут еще один ваш просится.

Аввакум. Это кто же, Андрюша?

Голос. Федор, кто еще!

Аввакум. Федька? Гони его! Гони его!

Голос. А это не тебе решать.
Лазарь, выходи, а не то в колодки
забьем!

Лазарь. Иду, Андрюшенька!..
Ладно, Федька вам все и обскажет.
Аввакум, батько...

Аввакум. Ну?

Лазарь. Ох, батько... Ведь ежели
Никон не антихрист — о чем
спорили? За что кровь свою лили,
за что других верных в огонь
посылали?..

Аввакум. Молчи, молчи!.. Иди с Богом, Лазарь, иди... Не тебе, пьяничке, об этом голову ломать...

Лазарь выходит. Аввакум проходит в угол, встает перед образами, начинает бить поклоны. Входит Федор. Видит, что Аввакум молится, подходит, встает рядом, крестится. Аввакум тут же перестает молиться, отходит от икон, садится за стол.

Федор. Не хочешь молиться со мной вместе?

Молчание.

Ну коли не ко времени я пожаловал в гости — надо и восвояси...

Аввакум. Федор, ответь нам, как тебя стража пропустила? Скажи честно, по совести — заплатил Андрею?

Федор. Конечно, полтину дал.

Аввакум. Полтину? Подкупил, значит, наших мытарей?

Федор. Не пойму, куда клонишь. Всегда мы им деньги давали — в чем меня-то обвиняешь?

Аввакум. не пожалел полтины, а и у самого-то денег негусто! Или Максим присылку прислал богатую?

Федор. не присылал Максим денег, а ты скажи попряму: что тебе не любо?

Аввакум. Последней полтины не пожалел — но для чего? Чтобы с нами, союзниками своими, словом перемолвиться да в очи нам поглядеть?

Молчание.

А может, и впрямь, чтобы вместе Богу помолиться? Поблагодарить Его за все благодеяния?

Молчание.

Так нет же! Не для того ты пришел! А для того ты отдал последнюю полтину, чтобы над нами нынче повеличатся! Ну, угадал я?..

Епифаний. Погоди, отче, постой: что ты напустился так на него? Ведь и он, поди, шел к нас радостью поделиться!

Аввакум. Это какая же радость случилась?

Епифаний. Да Никонова смерть!

Аввакум. Никонова смерть... Сдохла собака, а ей почести воздают человечьи, да не простого человека, а патриарха всея Руси — это ты,

старец, радостью называешь?

Епифаний. Да ведь помер! А стало быть, к Богу на Суд отправился. А теперь-то уж, поди, где-нибудь там, вместе с еретиками, у сатаны в подвалах!

Аввакум. И ты думаешь, Федор Иванов этому радоваться к нам пришел?

Епифаний. Да что гадать? Вот он, перед нами! Федор, скажи, рад ты Никоновой смерти?

Пауза.

Федор. Аввакум, Епифаний, письмо мне пришло. И многие верные, что на Москве, спрашивают теперь: как же так? Честили Никона антихристом, ждали конца света. В ожидании конца и жгли себя люди...

Епифаний крестится, Аввакум отворачивается.

Но умер Никон, и стало быть, не антихрист был, а человек обычный. Но тогда и слова наши получаются лживы. Вот теперь, отцы, придумать надо, как оправдаться перед людьми.

Пауза.

Аввакум. Значит, оправдаться хочешь, Феденька? А в чем тебе-то оправдываться и перед кем? Ведь когда мы его антихристом величали — ты-то с нами спорил! Боялся ты: вдруг не сбудется пророчество, вдруг он не антихрист — вот стыд-то наступит, вот позор будет перед людьми! Ан и вышло будто по-твоему, по -трусливому: не прогадал ты, и оправдываться тебе не в чем. А вот мы — мы на весь мир вопить

не испугались, что он антихрист!
Хоть знали, что ежели умрет он
обычным порядком — вроде и
правда-то не наша... так ан ведь:
показал Господь, что наша правда!
Наша, а не твоя, трусливый
волчишко!

Федор. Ваша? да в чем она ваша-то,
в чем?.. Помер он помер обычный
человек — и ни Суда, ни конца
света!

Аввакум. В чем? А в том наша
правда, что велик Бог, и старый Он
чудотворец! Не нам с тобой чета,
дуракам! И вот глянул Он на те
непотребства, что Никон-пес
понаделал, и решил: хватит, мол!
Уж совсем было хотел Я конец
всему свету наслать, но за
страдания верных — пусть постоит
еще мир, а антихриста этого
первого — во ад пошлю, в самую

глубину! Понял теперь, Федор, отчего мы правы, а не ты? Оттого, что мы пророчествовать не устрашились, а ты — устранился!

Федор. Ну, Аввакум, гляжу — и удивляюсь: уже ты и за самого Бога не боишься говорить слова...

Аввакум. Не боюсь!

Федор. А подумал бы: кто ты — и кто Он? И может ли глина сказать горшечнику: «Знаю дела твои»?

Аввакум. Имейте дерзновение — и все, что ни попросите, получите! Вот ты полтину страже не пожалел — а сам пришел меня в заблуждении обличать! Да только не вышло... Потому что шел ты ко мне — без веры, просил — без веры, живешь ты, Федька, бывший духовный мой сын — без веры! А что глиной да горшечником

пугаешь — так и того не боюсь!
Сказано в книге Иова: не пожалели
вы праведника, плохие друзья, и
мерзки вы в очах Господа! Сколько
же вас в последние времена
настало, плохих друзей...

Федор. Ладно, пусть мы — плохие
друзья, да праведник-то кто?

Пауза.

Епифаний. Ах Боже мой, Боже
мой... Столько лет мы вместе,
столько мук принято, столько крови
пролито... Уж такой кровью,
кажется, должны мы крепче
железа спаяться друг с другом... Ан
нет: чем дальше — тем глубже вы в
раздорах своих увязаете... А я вот
помыслию иногда: не враг ли это?..
Не он ли заставил нас о вере по все
жизни биться, чтобы в самой бездне
страстей погубить?.. Не он ли

бросил в Россию нашу семя злобы,
да всех нас и перепутал, всех
перессорил?..

Аввакум. Погоди значит, главное —
не ссориться ни с кем? А кто же
тогда правду скажет, а? Кто еще,
кроме нас, на Руси остался? Раньше
хоть цари были — ведали, кого
казнить, кого миловать. Вот хоть
Грозного взять Ивана Васильевича!
Никона-то, пса, к нему бы, к
Грозному, в патриархи! Грозный бы
его, гордеца, не потерпел, живо
удавил где-то в келье! Послал бы
Малюту своего Скурлатова —
только бы и видели еретика нашего!
А нынче что за цари пошли?
Алексей Михайлович десять лет
Никону в рот глядел да слушался
его дурных слов... Насилу бояре-то
вразумили царя: негоже, мол,
великому русскому государю
равняться с простым патриархом...

А Федор — тот и вовсе плакать стал, чтобы Никон его простил за отцовы дела... Ну разве цари это? Царево слово должно человека в трепет ввергать! Вся власть — царю, царь — православия защитник! Были в Греции самодержцы сильны — было и православие чисто; упали самодержцы — и вера не устояла! Так и у нас, так и в России будет, если новый Грозный не придет!..

Федор. Однако же любимый твой Грозный Филиппа-митрополита удавил за его правдивые слова, а Филипп-то — праведник!

Аввакум. Правильно, мученик митрополит Филипп. А скажи мне: стал бы он мучеником, если бы Грозный его не убил?

Федор. Грозный в грехе этом до смерти сказывают, калялся.

Аввакум. Может, и так. А поведись ему опять убить митрополита — убил бы, и рука б не дрогнула! Потому что они были людьми — не нам чета! Знали, что Божью волю не обойти, кому что на роду написано — тот то и совершит! Мученик мучиться будет, мучитель мучить его; так все вместе волю всевышнего и исполнят...

Федор. Постой, это что же выходит? И Никон с царем Божью волю исполняли, когда нас отправляли на мученья? Стало быть, зря мы их проклинали?

Аввакум. Нет, дурак ты все же, Федька...

Епифаний. Зря обижаешь его, Аввакум.

Аввакум. Старец, да кто же он есть, если за всю жизнь ничего понять не

сумел?.. (Федору). За что мы Никона проклинали? Разве за то, что он нас мучил? Да как нас не помучить, если все мы — грешные люди, беззакониями ровно шерстью обросли? как эту шерсть с нас не подергать? Да коли бы он нас за грехи наши мучил — я бы первый в ножки ему поклонился за науку! Но ведь Никон-то за Христа нас гнал! За веру нашу! За то, что ересей его не принял! За то, что не отдали православия! Вот за это добро он нас мучить стал, а слуг своих за то, что слушались, награждал! А цари — что тот, что этот — поддакивали только...

Федор. Неправда, Алексей Михайлович и расстриг его, и сослал.

Аввакум. Не Михайлович его расстриг, а Собор!

Федор. Известно, Собор! Да приказывал-то Собору царь! Коли бы не царь — так и Никона бы не сослали, и нас бы анафеме не предали!

Аввакум. То-то и чудно: и тех наказал, и этих! А сам-то ты что? Какой ты веры? нет уж Грозного с нынешними не сравнить. Он хоть и крутенок бывал, правда, зато в вере не качался. А если вера права — другие грехи простятся...

Пауза.

Федор. По-твоему-то лучше убийцей быть, чем еретиком?

Аввакум. Известное дело! Человек когда по бесовскому наущению убьет кого — так и бесы от него отступают: не нужен он им больше, стало быть. Тут-то к человеку покаяние и приходит с неба... А

еретика нечистый до самой счерти пасет, да еще подзуживает: за правду, мол, борешься, до смерти в своей истине стой! Так и гибнет человек, и в преисподнюю уж летит — а все думает, что на небо возносится... (Внезапно останавливается лицом к лицу с Федором.) Да что ты спрашиваешь все у меня — нешто сам не чувствуешь?

Федор. Что это я чувствовать должен?

Аввакум. Федор, миленький, да как пасут они тебя!

Федор. Меня? Кто меня пасет?

Аввакум. Будто не знаешь! Рогатики тебя под руки водят, в оба уха нашептывают спорить со мной о Троице, о самом Боге ересь сочинять — а ты и не чувствуешь?

Или, мнишь, сам ты эту пакость придумал, не они тебе нашептали?

Федор. Разве я придумал? Вы с Лазарем! Ну Лазарь наш человек понятный, уж который год пьян ходит — а ты-то, постник да молитвенник, ты-то что несешь? Трисущная Троица, сидит на трех престолах — ну где такое слыхано в христианском мире? Один у нас Бог, один, оттого и говорится: «Троица единосущная и нераздельная!»

Аввакум. Значит, так говорится? А мы сейчас проверим! (Идет в угол, выносит старую книгу, листает ее.) Вот, вот, сразу и нашел!.. Слушай, Федор... Нет, лучше сам читай!..

Федор (читает). «Поклоняемся Троице трисущной единой...»» Да что эта за книга такая?

Аввакум. Триодь цветная,
преполовенский канон! Понял
теперь, чья правда?

Федор. Аввакум, да ведь ясно,
описка это!

Аввакум. Описка?.. Гляди, гляди,
книге-то более ста лет!

Федор. Ну и что? Разве прежние
переписчики и ошибиться не
могли?

Аввакум. Епифаний, слышишь?
Ведь точь-в-точь как Никон наш
Федька рассуждает! Тот тоже начал
описки в старых книгах править — а
чем все кончилось?..

Федор. Кому бы говорить! Ведь ты и
сам правщиком был поначалу, да
только грамоты не хватило, языков
не знал — вот и отстранил тебя
Никон от дела!

Аввакум (задохнувшись). Я... я...
(Тихо.) Я всю жизнь за старину
терплю и тебе не дам ее хулить.
Ошибку он, видишь, нашел! В
единобожество впал ты, дьякон,
оттого и исповедуешь Единую
Троицу! По-твоему, кучею надобно
— одно Лицо, один Образ?

Федор. Нет! Три лица, а Бог один.

Аввакум. Да ведь ты, я знаю, и
Христа тоже в одну кучу валишь?
Ведь так?

Федор. Ну что ты говоришь, в какую
кучу? По-твоему-то — где Христос?

Аввакум. А там же, где и Троица, —
на небе! Только сидит на особом
престоле. Уж для Христа найдется
отдельный престольчик, не бойся за
Него!

Федор. Христос на отдельном

престоле?.. А Бог-Сын тогда кто?

Аввакум. Сын есть Сын, ты нас не запутывай!

Федор. Да что же вы придумали — Троицу четверить? Откуда вы четвертое Лицо взяли, если Христос и Сын — одно?

Аввакум. Вот она, Епифаний, савеллианская ересь — все в кучу, все скопом! нет, Федор, не уйти тебе от клятвы, не уйти!..

Федор. Ну довольно! Хватит. И вправду, напрасно я последнюю полтину отдал — не помириться нам с тобой, не договориться.

Аввакум. С еретиками у нас разговора нет.

Федор. Одно только печально: за такое ваше безумие виноваты вы

перед Богом. Стало быть,
никониане-то не зря вас мучают!
Сам ты говоришь: еретика гнать не
зазорно! А вы теперь стали
еретики.

Аввакум. Мы — еретики?

Федор. Еретики! Про Троицу даже
древние святые отцы не смели
рассуждать, ибо тайна троичная
велика есть и непостижима
разумом — а вы что с этой тайной
делаете? О Духе плотским умом
рассуждаете, по-иудейски! Оттого у
вас и Христос стал четвертый Бог!
Но довольно, довольно... Вижу: вы
что глухие, все равно не станете
слушать человеческого голоса! Нет
у меня сил вас на правду наставить.
Но уж и под вашу дудку я прыгать
не стану. Пусть нас теперь все
верные наши рассудят, на Руси и на
Соловках! Написал я про все ваши

выдумки книжицу, почитают православные — и поймут, что вы за святые отцы.

Пауза.

Аввакум. Что ты сказал, Федор?

Федор. Поймут люди, поймут!

Аввакум. Что ты мне сказал? Ты книгу написал про нас?

Федор. Написал!

Аввакум (Епифанию). Слышишь, старче? Это он нашими чернилами-то? (Федору.) А о чем книжица?

Федор. Всю правду в ней сказал, ничего не сокрыл — пусть верные чада рассудят! Уже ведь ясно все, дальше чем четверенная Троица — и пойти нельзя!

Аввакум (тихо). Федя, Христом тебя умоляю: не делай, что задумал.

Федор. Нет, не буду с вами во лжи участвовать!

Аввакум. Значит, меня решил обличить? Меня, а я всю жизнь свою Богу принес в жертву... Жена-старуха с детьми на Мезени в яме сидит за то же, за старую веру... Ни радости в жизни не видели, ни счастья... А ведь могли иметь все! По молодости на Москве у протопопицы моей шуба была — как целое стадо коровье стоила! Все бросили, да и не вспомнили о том ни разу — ни я, ни она, сосуд слабый... А сколько моих духовных детей показнено, да поморено за древнее благочестие по всей Матушке-России... И меня ты обличать задумал, безумец? Меня задумал судить?..

Федор. Судить я никого не стану —
пусть всех нас судит Бог! А
обличать буду, буду, пока жив,
обличать всякую неправду!

Пауза.

Аввакум. Ну, Федор, теперь иди. Все
ты уже сказал, больше не скажешь.

Федор. Что ж... Простите тогда...

Аввакум. Бог простит. Он же и
рассудит.

Федор, помедлив, выходит.

(Быстро подходит к окну.) Андрей!
Андрей!

Епифаний. Ты что, Аввакум?

Аввакум (в окно). Андрей, сюда иди,
сюда!

Епифаний. Ты что задумал?

Аввакум. Нет, слышал ты: мы — еретики! Боже мой, он уже и книгу написал об этом! Всю жизнь нашу, все муки одним словом запачкал!

Голос. Кто звал меня?

Аввакум. Андрюша, Андрюша...
Послушай, у еретика этого тетрадка есть... У Федора, говорю, в келье — наверное в постель упрятал...
Андрей, все деньги отдам — достань мне эту тетрадь!

Голос. А Федор то же?

Аввакум. Да схватите его! Сейчас схватите, по пути, да привяжите где-нибудь! Скорей, а не то опоздаете!

Голос. Сколько дашь?

Аввакум. Все, все... Пять... Шесть
рублев!

Голос. Врешь!

Аввакум. Или я кого обманул?..

Голос. Ну гляди...

Епифаний. Аввакум, ты что? Ведь
они все — никониане!

Аввакум. А он кто? Он еще и их
хуже! за все терпение наше — кто
нас так оклеветать мог? Только
сатана, отец лжи! Он, он сегодня
устаами Федора квакал на нас!

Голос Федора (в отдалении).
Пустите! Что вы? Пустите меня!

Голоса. Иди да молчи! Сейчас
пустим!

Удары, крики.

Федор (за окном). Зачем привязываете? Что вы? За что? В чем провинился?

Аввакум. Еще и спрашивает в чем! Ох, фарисей, тяжка тебе будет казнь!

Епифаний. Аввакум, не надо! Не мешай никониан в наши дела! Обо всем Федор на Русь напишет, обо всем! Как тогда оправдаемся?

Аввакум. Молчи, старец... Мягок ты, мягок... А мученик должен потверже быть... Мученик ровно кремень идет по жизни, не оступится, не погнется!

Епифаний. Да ведь убьют они его!

Аввакум. Не убьют. А хоть бы и прибили — думаешь, для России будет потеря? Хватит нам предателей и без Федьки!

Федор. Аввакум! Аввакум!

Аввакум (у окна). Чего тебе?

Федор. Ты что, Аввакум? Ты Бога не боишься?

Аввакум. Молчи, Федор., молчи! Покажи теперь, что есть в тебе смирение!

Федор. Андрей, ты что? Вы куда это?.. Отдайте тетрадь! Не трогайте, не смейте! Протопоп, да что же ты творишь?.. Опомнись, ведь я всем о тебе поведаю!.. И житие твое, тобой же написанное, тебя не спасет! Не скроешься от правды! Отдайте тетрадь, пилаты проклятые!..

Епифаний. Аввакум, прикажи им его отпустить!

Аввакум. Нет!

Епифаний. не бери на себя такого греха...

Аввакум. Да молчи же, молчи!..

Епифаний. Господи, помилуй нас!..

Федор. Аввакум, неужели ты от меня проклятия ждешь?

Аввакум. Пугаешь меня проклятием? Так получи же сам: анафема тебе, еретик!

Епифаний. Боже мой...

Голос. Деньги! Давай шесть рублей, поп! Да рубль долгу за тобой!..

Аввакум (вытаскивает кошель, выбрасывает его в окно). Все бери, все! Ничего мне больше не нужно!.. Давай тетрадь! (Получает тетрадь из окна.)

Федор. Аввакум, Богом живым
заклинаю!

Аввакум. Проклят ты у Бога, нет в
твоих заклятиях власти!

Епифаний. Не могу... Уйду от вас
всех!.. В тундру уйду умирать!..

Аввакум. Нет, нам еще жить с
тобой!.. Нам еще бороться!.. (Держа
тетрадь брезгливо, на отлете.) Вот
она, зараза, вот мерзость... Ну,
довольно. (Подходит к свече,
зажигает тетрадь, подносит к окну.)
Видишь, Федька, видишь? Сказано:
все еретические письма
пламенем пополятся!

Федор. Что ты? Что ты?.. Ведь там
мысли мои за десять лет! Не губи
меня, отдай!..

Епифаний (бросаясь к Аввакуму).
Довольно! Не мучь его! Отдай

тетрадь!

Аввакум (отталкивая Епифания).
Нет!.. Или я — или он, пойми,
старец! Если он — зачем моя жизнь
прошла?.. А если я — то ему не
бывать!

Епифаний. Опомнись, не враг он
тебе! да на что же вы последние
силы тратите? Ведь мы здесь все —
братья!

Аввакум. Брат ему сатана!

Епифаний. Да ведь нельзя так...
Одни ты останешься...

Аввакум. Ну и пусть! А ты
испугался, старец? Пора бы уж тебе
понять, старику: кто за правду
стоит — тот во всем свете один
остается! Так всегда было, так есть,
так и будет всегда!..

Пауза. Тетрадь догорает.

Епифаний. Ну что ж... Суди тебя Христос, протопоп.

Аввакум. И ты? И ты, Епифаний? Уж, кажись, с тобой нам нечего делить...

Федор. Ну, Аввакум... Суди же тебя Христос за твои дела...

Аввакум. И этот про то же... Вы что, сговорились, что ли?

Открывается дверь, из темноты раздается голос: «Эй вы, жратву заберите! Слышите? А не то — голодные будете до завтра сидеть!» Епифаний машинально встает, идет к двери, принимает миски и хлеб, несет на стол. Встав перед образами, молится, потом садится, придвигает к себе миску. Также в рассеянности начинает

есть, останавливается, поднимает глаза на стоящего у окна Аввакума.

Епифаний. А ты пошто не ешь?
Садись.

Аввакум (в окно). Федор... Федор, слышишь? Федор, станешь трапезовать? Я Андрея попрошу, он тебе мою миску передаст, хочешь?

Молчание.

Да что ты серчаешь на меня, дурачок? Разве я по злу так делаю? Ради правды я это делаю, пойми! Спросит Бог: почему молчал? Почему ересей не обличил? Что тогда отвечу?.. Чем оправдаюсь?

Молчание. Ну, так станешь есть-то, Федя? Сейчас кликну Андрея, он тебя сам и покормит... А то ведь до завтрага голодом неприманчиво будет стоять! Так зову Андрея-то?

Молчание.

Андрей... Андрей... поди сюда! Да где ты там, Андрюша?..

Федор. не зови никого! Ни крошки хлебной их твоих рук не приму, мучитель! Заморю себя голодом! Пост на себя налагаю — пусть видит Господь.

Пауза.

Аввакум. И я же... Меня же мучителем... Десять лет изводишь меня, а я же и мучитель?..

Федор. Лучше сразу убить меня прикажи — все равно обо всем сыну на Москву напишу, все расскажу!

Аввакум. Ну что ж, пиши... Все пиши, и я напишу — а там поглядим, кому из нас больше поверят! Тебе, безвестному дьякону

— или мне, кого вся Россия знает!..
Пиши, пожалуйста, позорь сам
себя!..

Епифаний. Хватит, садись и ешь.

Аввакум. Не стану! Мне поститься
не привыкать! Я по две седмицы
крошки во рту не держивал!

Слышишь, Федька, — налагаю и я
на себя пост: сколько ты дней есть
не будешь — столько и я, да еще
сверх того три дня! (Идет к столу,
берет миску, приносит к окну.)

Последний раз спрашиваю: станешь
жрать?

Федр. Уйди...

Аввакум. Ну так вот тебе!
(Выплескивает миску за окно.)

Епифаний (вскочив). Ты!..
Протопоп!.. Как смеешь пищу не
беречь? Пища — дар Божий ее с

благодарностью принимают, со
умилением вкушают!.

Аввакум. Сказал ведь я — пост
начинаю, с Федькой заодно.

Епифаний. Не пост это! Не пост!
Пост со смирением и любовью
держат, а вы ненавидите друг
друга! не будет пользы душе от
такого поста!

Аввакум. Да что ты каркаешь!
«Будет — не будет»... Поглядим!

Епифаний. И глядеть не хочу! Как
старец твой — не благословляю! Не
бывает подвигов по гордыне, не
нужны они Богу! Нет, не
благословляю!

Аввакум. Ох, Епифаний, дружище
мое дорогое, не стращай ты меня!
Не благословишь — сам себя
благословлю! Я-то хоть протопоп,

чин священный, а кто ты?

Епифаний. Да ты же... Ты сам меня выбирал духовником своим!

Аввакум. Сам выбирал — сам и откажусь, коли станешь еретикам потакать.

Пауза.

Епифаний. Ну коли так... Коли уж так... Тогда уж я...

Аввакум. Ладно, не кипятись, пошутил я!

Епифаний. Ну нет... В таких делах шуток не бывает, да и я вам не шут... Отказался? Живи как знаешь! Без духовника живи.

Аввакум. Старец, старец, для чего нам-то ссориться...

Епифаний. Все хватит. Давно
страшился я, что этим и кончится...
Коли уж начал человек однажды с
другими делиться — так он до
конца разделится, сам себя
расколет пополам! Были у нас
когда-то и мир, и единство — а что
теперь? Каждый поодиночке
Страшного Суда ожидает... И
ждемся,ждемся... Тогда,
Аввакум, не спросят, кого мы
обличили, а спросят: кого
пожалели! Не спросят, кого
осудили, а спросят, кого
оправдали!..

Раздается отдаленный колокольный
звон. Епифаний замирает,
прислушиваясь, потом идет в
темный угол, ложится на топчан.

Аввакум. Трезвонит Виталий...
Девятый десяток пошел дряхлому
деду, а он все совращает людей в

новую веру... (Подойдя к окну.)
Слышишь, Федька, вот куда тебя
отправить надобно — к Виталию-
лжепопу, в его никонианское
логово! Там бы ты быстро со всеми
ими стакнулся!

Молчание.

Епифаний, ты спишь?

Молчание. Молчат... Все кругом
замолчали — или это я слух
потерял? А может, в мире и
слышать-то больше нечего?
(Подходит к иконам). Вот, Господи,
дал Ты мне силы, да деть-то их
некуда... Дал огонь душе великий —
да жечь-то некого... Все ты дал,
всем меня одарил, да только
бросил-то не туда... Что мне здесь, у
земли на краю, делать, среди Федек
да Лазарей?.. Бороться с кем...
Никон, смертный враг — и тот не

антихрист оказался, а простой
человечишка!.. С кем же мне
мериться теперь своей силой?..

Епифаний (внезапно). Со смертью
померься.

Аввакум (застыв на мгновение).
Добро! да только где она
потерялась, смерть-то моя?
Заблудилась, идучи от Москвы?
Или, думаешь, самому мне эта
жизнь в радость? Думаешь, не
молил я Бога, чтобы переселил
меня в вечные кривы, чтобы отдых
дал душе моей? Ведь устала она,
давно устала!..

Молчание.

(Подойдя к окну.) Эй, Федор! Ты-то
живой там или помер?

Федор. Помер. Для тебя навсегда я
помер с этого дня.

Аввакум. Вишь ты, значит, одни мертвецы кругом!.. Жалко, Лазаря моего нет, пьянички непутевого... Он хоть и грешник, а живой человек, живее других!.. С ним хоть бы словом перемолвились...

Из темноты появляется существо, похожее на Лазаря. Однако есть в его облике что-то неуловимое, что заставляет усомниться в этом.

Существо. Здесь я, здесь...

Аввакум. Ты кто?

Существо. Не узнал? Я твой Лазарь, верный друг...

Аввакум. Врешь!.. Никакой ты не Лазарь... Бес ты, бес! Помню, ты мне и в Тобольске являлся, и Даурии приходил!..

Бес. Тихо, тихо... Видишь, спит

старец — и пусть спит! Говори со мной.

Аввакум. Не о чем нам говорить! Зачем пришел, отвечай!

Бес. А пришел порадоваться, что крепко вы православие держите.

Аввакум. Тебе-то что наше православие, нечисть? Поди прочь! Вот я тебя сейчас перекрещу!

Бес. Погоди, постой... Я тебе важное скажу! Ты рад будешь!

Аввакум. Ну, говори скорей!

Бес. А Никон-то, Никон-то — в ад пошел!

Аввакум. Знаю! Без тебя это знаю давно!

Бес. Знаешь? Откуда, кто сказал?

Аввакум. Больше еретику некуда
пойти! Только в ад его дорога!

Бес. Только в ад... Только в
погибель...

Аввакум. Жалко мне никониан —
все погибнут!

Бес. Все, все до одного...

Бес. А вы спасетесь... Ты
спасешься... Один ты и спасешься...

Аввакум. Один я? А Россия как же?

Бес. Россия... Погибнет твоя
проклятая Россия, погибнет,
погибнет!..

Аввакум. Врешь! Отчего ей
гибнуть?

Бес. От веры!.. Известно, от чего
гибнут, — от веры! От веры Россия

погибнет — неверьем спасется!..
Забудьте Бога — и спасетесь!..

Аввакум. Что?.. Да ведь ты —
ложь... Ты — ложь и отец лжи!.. И
слова правды из пасти твоей не
исходило!.. Изыди, сатана!..
Налагаю на тебя крест!.. (Крестит
беса.)

Бес. Не бей, не бей!.. Я тебе
сейчас... Я самую главную тайну
тебе скажу, хочешь?..

Аввакум. Говори, нечисть!

Бес. Стоят на небе четыре
престола... А на престолах тех —
пусто...

Аввакум. Врешь!

Бес. Пусто!

Аввакум. Врешь! Врешь! Ты ложь и

отец лжи!.. (Запнувшись.) Сколько престолов, ты сказал? Четыре?

Бес. Четыре... Пять... Шесть...

Аввакум. Нет, нет!.. Изыди, сатана!
(Судорожно и часто крестит беса.)
Будь ты проклят, обманщик!

Дергаясь и прикрываясь от крестных знамений, бес исчезает во тьме.

Так сколько же, сколько престолов-то?.. Не пойму... И что с моей бедной Россией станется?.. Ох, и темно же в нашей землянке... А как начиналось-то хорошо... как дружно мы о благочестии ревновали: и царь, и Никон, и все мы... Нет, знать, дружба эта была одна видимость!.. Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на собрании губителей не седе... А все-таки,

сколько престолов на небе — три или четыре?.. Господи, хоть бы Ты мне ответил, сколько у Тебя престолов! Ведь ежели Федька прав — за что же я его?.. А ежели я прав... (Опускается на колени перед иконой.) Господи, прореки, Господи, не оставь втуне моления моего!.. дай ответ, Боже мой, сколько престолов на небе!

Шепот из тьмы. Четыре... Четыре...

Аввакум. Вот!.. Четыре!.. Потому-то и именуется — Троица!
(Задумывается.) Нет, не надо мне думать об этом, не надо, не надо!.. И сомневаться нельзя! Четыре на небе престола, четыре, четыре, четыре!..

Издаലെка доносится тройной удар колокола. Аввакум прислушивается.

Лжепоп Виталий хочет меня

обмануть... не выйдет, еретик!
Знаю, что вы с Федькой заодно,
знаю, что всех верных погубить
хотите!.. (Помолчав.) Колокол-то,
видно, с трещинкой, как в нашем
селе, в Григорове... Рождение мое в
Нижегородских было пределах, за
Кудмою-рекою... Отец священник
был, Петр, мать — Мария, в
монахинях Марфа. Отец хмельное
любил, мать постница была и
молитвенница, страху Божию меня
учила. Я же однажды у соседа
коровку увидел подохшую и ночью
той, перед образами встав, плакал
да рыдал что и мне умереть... Вот с
тех пор-то и привык я по всей ночи
молиться...Подходит к окну Федор...
Федор!.. Или вправду умер? Вон и
голову-то как на плечо положил,
ровно Христос на Кресте... И жалко
бедного... Ну да ничего. Так,
страданием, глядишь, и искупит
свои грехи... Да, в Нижегородских

пределах... Помню, подозвал меня раз батюшка, поставил перед собой да в глаза-то и глядит: «Что сынок, любо тебе жить на свете?» — «Любо, батюшка!» — «А что же тебе любо?» — «Небо чистое, солнышко ясное — вот и любо мне!» — «Ну погоди же, будет и по твою душеньку крест». — «Тяжелый ли, батюшка?» — «А не тяжелее, чем у других». Верно... Не тяжеле, чем у других... нет, не тяжеле. (Смотрит в окно,) Вот только ежели бы узнать... Увидеть бы... Иметь бы глаза такие зоркие, чтобы разглядеть — сколько, сколько престолов?.. Ведь ежели четыре — то Федор... А ежели три, тогда... Боже, Боже, где Ты-то теперь?.. Почему не слышу гласа Твоего?.. Пошто Ты оставил меня?..

Занавес

1990